

Современное информационное общество как система глобального управления политикой, экономикой и социальностью

Д.Г. ЕВСТАФЬЕВ*

НИУ ВШЭ, РУДН им. Патриса Лумумбы (Россия)

Аннотация

Глобализированное информационное общество, по своей природе являющееся гибридным социально-технологическим интерфейсом между глобальным информационным пространством и человеком, опирается на технологии цифровых коммуникаций и сетевизированные информационные платформы. Информационное общество остается одной из немногих опор глобализации. В своей основе оно вряд ли будет демонтировано даже при реализации за- критических сценариев глобальных трансформаций; оно может стать одной из интегрирующих платформ различных subsystems управления как на межгосударственном, так и на условно государственном уровне – хотя в чистом виде, вероятно на обозримую перспективу, управление среднесрочными процессами внутри чисто государственных систем представляется маловероятным. Информационное общество, оставаясь инструментом глобализации и обеспечивая относительную целостность глобальных процессов, начинает играть все большую роль в процессе размежевания «единого мира глобализации» на макрорегионы. Через механизмы информационного общества и через разделение избыточно гибридной системы управления будут реализовываться наиболее заметные элементы реальной, а не декларативной геоэкономической регионализации. Информационное общество в условиях кризиса глобализации выступает в качестве основы системы несилового стратегического управления социально-политическими и экономическими процессами. По мере нарастания институционального вакуума значение информационного общества будет расти. Помимо функций управления среднесрочными тенденциями развития информационное общество уже на данном этапе приобрело функции стратегического управления социокультурными процессами, а также универсальными политическими нарративами. На данном этапе глобальных трансформаций мы наблюдаем интенсивный процесс замещения информационными (именуемыми «онлайн», хотя это и не отражает всех особенностей явления) технологиями классической межгосударственной институциональности, что меняет суть институциональности в принципе. В перспективе технологиями информационного общества и соответствующими цифровизированными алгоритмами может быть заменена и надгосударственная регулятивность. Возникает принципиально иное пространство глобального, а значит и трансрегионального управления, что ставит на повестку дня целый ряд специфических задач и для России.

* Евстафьев Дмитрий Геннадиевич – кандидат политических наук, профессор Института медиа НИУ ВШЭ, профессор кафедры правоведения и практической юриспруденции Юридического института РУДН им. Патриса Лумумбы. 109028, г. Москва, Хитровский пер., д. 2/8, корп. 5. E-mail: devstafiev@hse.ru

Ключевые слова

неоглобальный мир, регионализация, постреальность, неоглобальный мир, информационное общество, управление глобальными процессами система политической власти

Для цитирования

Евстафьев Д.Г. (2025). Современное информационное общество как система глобального управления политикой, экономикой и социальностью. *Управление и политика*. 1(4). С. 8–20. DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-1-8-20

Конфликт интересов

автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов

Вхождение современного мира в период системных – то есть затрагивающих архитектуру мировой политики и экономики – трансформаций ставит вопрос о механизмах выстраивания относительно устойчивой конструкции систем управления, как минимум, на региональном, а, как оптимум, на трансрегиональном уровне. Современное информационное общество (ИО) трансформируется под воздействием двух центральных факторов: во-первых, внутренних трансформаций самого информационного общества, а, во-вторых, изменения контекста развития информационных технологий и каналов коммуникаций.

С точки зрения тенденций развития ИО мы находимся внутри периода «отрицания отрицания», если считать эпоху поздней глобализации (вторая половина 2000-2020-е гг.) эпохой отрицания вестфальской архитектуры международных отношений. Эпоха неограниченной глобализации закончилась. Однако это означает и отрицание большинства важнейших не только атрибутов (глобальный социальный и социокультурный мейнстрим), но институтов, свойственных эпохе поздней глобализации, а главное, – коренное изменение сути используемых в описании международных систем понятий (Лошкарёв, 2021).

Информационное общество также будет неизбежно затронуто этим процессом, хотя бы потому, что, выступая в качестве интегрирующей системы поздней глобализации (что, в свою очередь, было отрицанием изначально закладывавшегося «сервисного» характера информационного общества), оно оставалось системой, исключительно подверженной влиянию внешних факторов, геополитического контекста. Глобализированное информационное общество, даже в период максимальной американоцентричности (его автор относит к 2019-2023 гг.), сохраняло значительные элементы контекстности, определявшейся политическими и геоэкономическими задачами крупнейших его игроков, прежде всего, США. Количество акторов глобального информационного пространства увеличивалось на протяжении всех 2010-х – начала 2020-х гг., однако только США могли решать задачи стратегического управления с использованием инструментария информационного общества, тогда как остальные акторы не могли выйти за рамки информационно-пропагандистских или, как максимум, политико-манипулятивных задач. В этом и проявлялась американоцентричность информационного общества того периода.

Сейчас ситуация принципиально меняется, и это также связано с изменением «вмещающего ландшафта» ИО. В его социально-экономической основе лежит постепенная утрата США комплексного доминирования во всех атрибутах национальной мощи на фоне их формального наличия, но непредсказуемой эффективности (Gates, 2023). Это происходит в условиях, когда институциональная структура, обеспечивавшая американоцентричность в период поздней глобализации, находится в кризисе, причем не только в социофилософском плане (Майр, 2019), но и с точки зрения условно «текущего» управления социальными и политическими процессами. *Переход этих кризисных явлений в пространство управления социально-экономическими процессами будет означать полноценный структурно-институциональный кризис современного информационного общества. Для сферы управления этот кризис будет усугубляться невозможностью разделения информации, факта и знания (Wihbey, 2019), не говоря уже о естественном встраивании в управленческую коммуникацию фейковизированных элементов или даже относительно целостных сюжетов.*

Для США встает задача управляемого сокращения затратности поддержания своего доминирования, во всяком случае в пространстве «объединенного Запада». Это задача для США как «ядра метрополии» глобального мира не имеет прецедентов. Во всех предыдущих случаях прохождения США через системные кризисы (в частности, системный кризис первой половины 1970-х гг.) США еще не существовали в условиях глобального охвата американоцентричностью и столь глубокого, институционального ее укоренения, а главное, – в условиях относительной ясности «приоритетов оптимизации»

управления, когда жертва определенными пространствами (в частности, – большей частью Индокитая) давала возможность сконцентрировать усилия на других направлениях (на отношениях с Китаем, арабо-израильском мирном процессе и на удержании в сфере влияния Латинской Америки). Хотя и тогда сокращение американского влияния было крайне чувствительным.

Главное в актуальных условиях – Вашингтон будет пытаться реализовать этот маневр в условиях беспрецедентного по масштабам раскола в элите относительно моделей дальнейшего развития и ограниченного кадрового ресурса.

Возникает любопытная диалектика. С одной стороны, востребованность ИО в качестве механизма текущего политического управления растет, что и проявилось в попытках США использовать глобальное ИО для обеспечения своих внешнеполитических интересов: от консолидации «объединенного Запада» (особенно с точки зрения поддержания антироссийского экспертного мейнстрима, что оказалось менее сложным, нежели удержание антироссийской постреальности для общественного мнения в целом (Дмитриев & Евстафьев, 2024)) до информационной поддержки системы вводимых санкций как суррогата международного права.

Возникает парадокс управления глобальными и субглобальными процессами со стороны США: *получая тактическое преимущество через использование наиболее агрессивных механизмов информационно-политических манипуляций, США сокращают собственные возможности стратегического управления через ИО. В ближайшей перспективе это означает утрату управленческого потенциала ИО «по умолчанию» за счет неких рамочных установлений.*

Как результат, на каждом следующем условно «витке» политической конфронтации США для достижения относительно успеха требуются большие усилия. Это приводит к постепенному выхолащиванию возможностей США в области «мягкой силы» (Нусе, 2019), замещаемой политико-административными мерами.

С другой стороны, значение ИО как инструмента стратегического управления осознано не только находящимися с США в состоянии конкуренции странами (Китай) или прямым противоборством (Россия, Иран), но и игроками, претендующими на самостоятельный геоэкономический и геополитический статус (Индия, Турция, Египет, Бразилия, ряд арабских стран). Суверенизация ИО воспринимается в качестве важнейшего инструмента конкуренции за роль «ядер» соответствующих макрорегионов в процессе геоэкономического размежевания на уровне социальных процессов, выглядящее как цивилизационное «разгораживание», где ценностный фактор будет иметь значительную роль.

По своему характеру сетевая основа глобализированного ИО, что понималось еще на относительно ранних стадиях развития сетевизированных систем коммуникаций, направлена на разрушение не только суверенности национальных (страновых) сегментов ИО, но и систем государственного (политического, экономического и социального) управления, использующих такие каналы (Сагеу, 1998). Системы же государственного управления построены по принципу иерархичности (с проявлением цивилизационной специфики на низовых уровнях иерархии) (Горбанева & Угольницкий, 2024), а сетевизация была свойством, характерным для периода утраты суверенности на национальном уровне (Фукуяма, 2017) в рамках неограниченной американоцентричной

глобализации. Последнее, хотя и не утратило полностью своей актуальности, более не является единственным или даже флагманским вариантом организации систем управления на той или иной территории. Это означает, что до известной степени повышение уровня качества среднесрочного государственного управления на национальном уровне будет диктовать необходимость преодоления сетевизированности национального информационного пространства.

Эти две совершенно разнонаправленные тенденции будут диктовать на среднесрочную перспективу существенное расширение востребованности ИО и его инструментов, но одновременно стимулировать утрату их глобализированной целостности.

Возникает два вопроса. Во-первых, возможен ли полный разрыв пока еще единого, но утрачивающего универсальность ИО под воздействием политических (политико-административных) факторов? И как в таком случае можно будет управлять среднесрочными тенденциями развития? Или же система глобальной политики и экономики рискует окончательно утратить синергичность. Во-вторых, каковы механизмы адаптации имеющегося инструментария информационного общества под задачи геополитической, а затем и геоэкономической регионализации в условиях силовой геоэкономики и ценностного противоборства? Или же система информационного управления международными экономическими и политическими процессами будет осуществляться в постоянно сокращающемся пространстве.

Ответы на эти два вопроса и определят особенности использования ИО в качестве системы управления в условиях кризиса глобализации.

Тенденции развития информационного общества

Помимо внешнего контекста на потенциал ИО как системы управления влияет и его внутренние трансформации, хотя и они также связаны с принципиальным изменением общемирового контекста. Сформулируем четыре системообразующие тенденции развития ИО как системы управления:

Выход сетевизации информационного пространства на предельные уровни, граничащие с утратой целостности системы. Формирование фактически постмедийного мира ограничивается двумя факторами: с одной стороны, сохранением значительных и социально-экономически значимых «анклавов» классического индустриального модерна, где медийность остается одним из основных механизмов потребления информации (и социально-политической ориентации). С другой, медиа, хотя уже и в неклассических форматах, остаются наиболее значимыми инструментами управления общественными настроениями в период деглобализации.

Гипотеза: Мы будем наблюдать возврат медиатизации во всяком случае, на этапе формирования контуров макрорегионов и борьбы за статус из «ядер». Главным вопросом становится формат медиатизации, поскольку простой откат к досетевым парадигмам организации локальных сегментов информационного общества принципиально невозможен.

Регионализация информационных платформ, а, в перспективе, и основанная на региональных традициях и особенностях новая медийность являются, в сущности, наиболее значимыми с точки зрения эволюции потенциала ИО как системы управления.

Алгоритмизация и внедрение в пользовательский интерфейс информационного общества не просто элементов искусственного интеллекта, но систем, построенных на нем.

На данном этапе можно с уверенностью говорить о транзитировании систем искусственного интеллекта от формирования потребительского пространства к формированию социального контекста, что существенно повышает значимость ИО в качестве инструмента управления не только на макроуровне или уровне «средних» социальных групп, но и на уровне малых социально-вовлеченных групп. Это же создает новые типы рисков, в особенности связанных с неверной интерпретацией ИИ на основе внешних (коммуникационных проявлений) настроек и ожиданий средних, а ряде случаев, и крупных социально активных групп (Кузнеченко, 2024).

Встает вопрос: как в среднесрочной перспективе будет сводиться к степени алгоритмизации конструирования информационного пространства («круга») обыденной жизни человека. Это будет определяющим фактором с точки зрения возможностей к средне- и долгосрочным социальным и социально-политическим манипуляциям. Конкуренция в сфере формирования наиболее эффективных алгоритмизированных систем управления информационными процессами, вероятнее всего, будет являться одним из центральных элементов конкуренции систем государственного и социального управления, определяющей исход борьбы между потенциальными «ядрами» макрорегионов, не только и не столько с точки зрения чисто технического стандарта ИИ, сколько с точки зрения возможностей поддержания устойчивости социальных систем.

Кризис социо-информационной универсальности, наиболее заметный на уровне кастомизации доминирующих

информационных платформ, но в действительности отражающий принципиальное изменение глубины администрирования страновыми и региональными (на уровне ЕС, например) сегментами все еще глобализированного информационного пространства, но на скрытом уровне, – деглобализацию систем экономического и политического управления через интеграцию в них ценностного фактора.

Гипотеза: на определенном этапе интегрируемое в страновые/региональные сегменты информационного общества новое содержание потребует изменение форматов реализации коммуникационно-го потенциала.

Кризис универсальности информационного общества, в действительности, имеет прямое отношение к важнейшему аспекту кризиса глобализации, – невозможности в современных условиях использовать универсальные механизмы управления социальными процессами, основанные на конструировании «фокусов» в пространстве «потребления» (в широком смысле, – от потребления товаров до потребления ощущений).

Переход от «конкуренции постправд», соответствовавших идеи управления обществом через социальную мозаизацию, реализовывавшийся в том числе и через подмену коммуникациями социально значимого действия, когда политическая (и, естественно, социальная) жизнь общества выводится за рамки экономической и даже социально-экономической логики (Дзоло, 2010, с. 177), создавая нетипичные и нелогичные в социальном и коммуникационном плане кластеры интересов, через которые и реализовывалась модель «конкуренции постправд» (Еремеев, 2023). В данном случае уместно привести формулу главного идеолога сетевизированной глобализации Энтони Гидденса, писавшего о том, что социальные системы

формируются «через целостную непрерывность социальных практик, исчезающих во времени» (Гидденс, 2005, с. 141), отмечая, что эти практики в период поздней глобализации носили преимущественно коммуникационный характер. Сейчас наблюдается движение к «постреальности» как основной модели консолидации мозаизированных обществ, что полностью отражает принципиально изменившийся контекст развития современного мира, предполагающий различные форматы геополитического и геоэкономического (в зависимости от ситуации) разгораживания универсалистского глобального мира. В условиях «конкуренции постправд» принципиальным моментом было обеспечение технологического доминирования в информационном потоке.

В рамках конкуренции моделей постреальности встает вопрос о способности средне-, а желательно – долгосрочного поддержания социокоммуникационной системы, что ставит в центр конкуренции содержательные аспекты.

Гипотеза: реализация модели «постреальности» существенно повышает значение социо-коммуникационной гибридности как механизма управления общественно значимыми пространствами, но с большим, чем раньше значением элементов, относящихся к пространству социального действия.

Постреальность становится одним из центральных инструментов поддержания политической ценности общественных систем в обществах постмодерна и предпостмодерна, к которым относится большинство стран «объединенного Запада». Отметим, что подобный подход был стандартной практикой в управлении кризисами и применялся многократно (Пильгун, 2022), но имел успех преимущественно в условиях относительной неограниченности информационно-идеологической

эскалации. Нынешнее состояние было достигнуто благодаря относительно жесткому администрированию, создавшему к весне 2024 г. серьезные социальные последствия внутри западных обществ. Это привело к мозаировавшей деструкции устоявшейся структуры Европарламента – института относительно маловластного, но отражающего социально-политические макротренды в европейском сегменте Евроатлантики.

Помимо структурно-технологических аспектов развития информационного общества как инструмента управления в широком смысле этого слова, есть еще и содержательный уровень. Его значение начинает расти по мере институциональной деградации «мира глобализации». На содержательном уровне мы наблюдаем формирование новых универсальных и среднесрочно устойчивых информационных фокусов взамен актуальных в период поздней глобализации. Это проявляется в экономике, где сохраняется консолидированность пространства в отличие от политических и социокультурных процессов, где универсальность относительно быстро утрачивается. Иными словами: по мере институциональной деградации «мира глобализации», расшатывающей управленческий потенциал информационного общества, в качестве факторов управления на первый план начинают выходить именно содержательные факторы. Выдвинем следующее предположение: *в условиях структурного кризиса современного информационного общества и перехода к фактически отрицающей универсальность конкуренции ценностей в политике и экономике, значение содержательного (контентного) наполнения информационных процессов будет расти. Это будет закономерно повышать значение информационных фокусов.*

Упрощая, использование через потенциал каналов коммуникаций перестает быть технологически-формалистическим процессом, где главное – обеспечивать целостность транслируемых нарративов. Мир «конкуренций постреальностей» означает на практике конкуренцию в сфере содержательного управления с использованием частично суверенных каналов коммуникаций.

Дополнительно в этом направлении будет действовать и такая особенность современного ИО как возникновение эффекта неразделяемости социальных, персональных и функциональных (деловых) коммуникаций, которые в современном мире ведутся человеком с одних и тех же устройств, в одной и той же среде, а зачастую, – в одном и том же социокоммуникационном пространстве пространстве реальной жизни. Этот аспект уже становится вызовом для систем государственного управления и государственных коммуникаций, в том числе, во внешней политике. Усиление аспекта содержательной конкуренции его только обострит.

Центральным информационным фокусом становится вопрос о «посткапитализме», то есть о локализованной версии социально-экономической реальности в рамках сохраняющего отдельные элементы интегрированности неоглобального мира. Посткапитализм является крайне важным для понимания процессов в мировой политике и экономике: это, фактически, зонтичное понятие с крайне расплывчатым внутренним содержанием.

Социо-информационные «фокусы» как инструмент стратегического управления

На современном этапе развития трансформаций мировой политики и экономики

одним из инструментов, сохраняющих актуальность, остаются информационные «фокусы», конструируемые в зависимости от особенностей пространства и ценностного наполнения политики. В условиях затрудненности сформировать полноценные «образы будущего» взамен утраченной идеи «глобалистской универсальности», этот управленческий вакуум будет заполняться средне- и даже краткосрочными

приоритетами развития, специфическими для каждого крупного игрока или коалиции, по мере расхождения которых будет проявляться масштабы и темп деглобализации. Эти фокусы не обязательно будут полным отрицанием того, что имелося в период поздней глобализации, в особенности, что касается США и ЕС, но будут видоизменяться под воздействием контекстных обстоятельств (см. Таб. 1).

Таблица 1

Соотношение основных социо-информационных фокусов поздней глобализации и актуальной исторической эпохи

Сфера	Потенциал управления	Поздняя глобализации	Актуальное состояние. Период трансформаций	Перспективное состояние. Неоглобальный мир	Примечания
Глобальная политика	Управление стратегическими приоритетами развития. Управление региональной и глобальной институционализацией	Переход от управления через каскадирование коммуникационных нарративов и «конкуренции постправд» к реализации модели постреальности	Кризис американо-центричного универсального информационного общества	Регионализация информационного общества. Коалиционный суверенитет в информационной сфере. В перспективе – расхождение технологических стандартов информационного общества.	Необходимость новой институционализации для преодоления угрозы «хаотизированной беспоплярности»
Национальная («страновая») политика	Управление экономическими и политическими процессами в пространстве национального суверенитета. Ограниченные возможности управления глобальными социальными и социокультурными трендами	Включенность в глобальный (цивилизованный мир), следование его «правилам»	Включенность в одну из коалиций, играющих глобальную роль «разделяющегося мира»	Ценностная «постреальность» как инструмент формирования идентичности	Главный содержательный вопрос: способность наполнить традиционные по форме идентичности неоглобальным содержанием
Социально-экономическое развитие	Относительная открытость перед внешним манипулированием. Включенность в глобальные экономические приоритеты. Управления национальными финансами	Универсальные инвестиционные фокусы («зеленая повестка»)	Посткапитализм. Капитализм ценностей (социально разумное потребление)	Конкуренция локально-региональных версий посткапитализма, основанных на идентичностях	Как следствие: конкуренция систем управления социальным и социально-экономическим целеполаганием больших и средних общественно-вовлеченных групп общества
Социальное развитие	Управление национальными приоритетами социального развития через социальную универсальность	Универсальная модель потребления. Потребление ощущений вместо потребления товаров и услуг	Ограничение потребления. Локализация моделей потребления на страновом/групповом уровне	Национальные/региональные модели социального развития. Появление прото-идеологий. Возможно конкурирующих в одном пространстве	Важнейшая тенденция – возникновение анклавов архаизации в мегаполисах. Возникновение очагов социальной и социокультурной архаизации в пространстве постмодерна

Сфера	Потенциал управления	Поздняя глобализации	Актуальное состояние. Период трансформаций	Перспективное состояние. Неоглобальный мир	Примечания
Социокультурное развитие	Управление социокультурным мейнстримом: флагманскими, приоритетными направлениями развития культурного процесса	Десуверенизация культуры. Навязывание «глобального» (американоцентричного) социокультурного мейнстрима	Формирование разнонаправленных, но сосуществующих в одном пространстве социокультурных сред	Запрос на новую эстетику в широком понимании этого слова, на новые модели публичного социального поведения и управления обществом через образы	Имеется перспектива сращивания социокультурных и «цивилизационных» (социо-религиозных идентичностей) и формирования на этой основе сложных прото-идеологических систем. Это будет крупнейший вызов системе политического управления. Его разрешение в рамках постиндустриального постмодерна невозможно
Гуманитарные аспекты	Формирование глобальной сети гуманитарных	Глобальный гуманитарный активизм. Формирование ощущения сопричастности глобальным процессам и решению глобальных проблем как часть принадлежности к «цивилизованному миру»	Суверенизация и локализация гуманитарной деятельности	Гуманитарные программы на базе цивилизационных ценностей. Фактор вовлеченности в гуманитарные процессы как элемент цивилизационной ответственности и идентичности	В России – появление принципиально новых, в основе своей – антизападных типов гуманитарной деятельности.

Таблица составлена на основании авторских обобщений и прогноза. С опорой на эти обобщения представляется возможным сделать несколько важных выводов.

Первое. Нынешнее состояние социоинформационных фокусов таково, что они в абсолютном большинстве соответствуют предыдущей исторической эпохе: поздней глобализации, где формирование глобальных тенденций и их локализация осуществлялась с опорой на сетевые структуры. Сейчас вопрос стоит только о степени демонтажа этих информационных фокусов: он будет полным или же частичным, то есть сохранится условная «архитектура» управления информационными процессами. Но содержательный вакуум в период наличия явного «запроса» – как объективно возникшего, так и сконструированного – на «ценности», то есть, на некую протоидеологию, не может удерживаться длительное время.

Второе. В большинстве случаев в настоящий момент мы не имеем оформившегося мейнстрима. Формирование содержательных социо-информационных фокусов, а, тем более, моделей социального управления, на базе которых в дальнейшем могут быть выстроены и иерархические модели государственного управления, будет происходить на конкурентной основе. Эта конкуренция может развиваться и в пределах одного социально-политического пространства, но гарантировано будет составлять основу геополитического противоборства и последующего геоэкономического освоения «серых зон», возникающих при формировании первичных контуров геоэкономических макрорегионов.

Третье. «Зеленая повестка» – последний относительной целостный социоинформационный фокус поздней глобализации. Попытка создания пострeальности «цивилизированный Запад против

агрессивной России» имела лишь крайне ограниченный эффект, способствуя кризису американоцентричности в глобальном информационном обществе. Это было связано не столько с ИО как таковым, сколько с изменившимся социально-экономическим контекстом его развития. В частности, попытка реализовать указанную постреальность, то есть относительно целостную систему управления, как минимум, среднесрочным поведением государств и обществ, объективно совпала с нарастающим запросом со стороны ряда потенциальных региональных центров силы на суверенизацию собственного информационного пространства.

Четвертое. Фундаментальная проблема «ценностного» размежевания на основании цивилизационных принципов с использованием инструментария социально-политического управления на базе сетевого информационного общества сводится к тому, что из традиционных идентичностей, на базе чего структурно возможно формирование относительно целостных систем социально-политического управления, можно взять только форму и в лучшем случае традиционные форматы общественного взаимодействия. По сути, с точки зрения идеальных поведенческих факторов и социального целеполагания мир слишком изменился по сравнению с социально-национальной структурой обществ второй половины XX века. Представляется очевидным, что подобное изменение информационных фокусов отражает, прежде всего, изменение «архитектуры развития» и невозможность сохранения прежних механизмов управления глобальным мейнстримом. Приоритетом становится сохранение не столько самой глобализации, сколько порожденных ей систем.

* * *

Информационное общество остается сферой, в наибольшей степени обеспечивающей устойчивость глобализированных экономических, но уже не социальных и социально-политических систем. Это главное противоречие, формирующее особенности нынешних процессов в ИО в контексте его роли как инструмента управления общественными системами и государством. Невозможно управлять только экономикой, не управляя в условиях конкуренции ценностей политической, социальной и социокультурной сторонами вопроса, составляющими основу цивилизационной самоидентификации.

Второе по значимости противоречие: между изначальным, конструктивным, сетевым характером актуального ИО и невозможностью формирования эффективных систем управления на региональном уровне без внесения в него элементов иерархии.

Сформулируем следующий вывод-предположение: *сохранение интегрированного характера глобального информационного общества обеспечивает сохранение основных элементов глобализации как таковой. Разрушение целостности информационного общества может привести к началу распада таких базовых систем глобализации, как финансово-инвестиционная система, система стандартизированных приоритетов социокультурного развития и проч. и к началу по-настоящему активных процессов регионализации развития и формирования относительно суверенных экономических систем, обслуживание которых неизбежно станет национальным информационным приоритетом.*

Но это означает, что процессы разрушения целостности современного

ИО будут происходить как изнутри, за счет тенденций суверенизации национальных сегментов информационного пространства, так и извне – под воздействием политизации информационных процессов. На начальном этапе принципиальное

значение для управляемости данных процессов приобретают не только содержательные моменты, но и наличие собственных, суверенных, то есть, контролируемых на базе национального законодательства каналов коммуникаций.

Received: December 5, 2024

Accepted: February 26, 2025

DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-1-8-20

UDC: 369.032, 327

Public Administration / Research article

CONTEMPORARY INFORMATION SOCIETY AS A SYSTEM OF GLOBAL POLITICAL, ECONOMIC AND SOCIAL DEVELOPMENT

Dmitry G. Evstafiev, Candidate of Political Sciences,
Professor of the Institute of Media of the Faculty of Creative Industries
of the Higher School of Economics, Professor of the Department of Legal Studies and Practical
Law, Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN).
Khitrovsky per., 2/8, bldg. 5, Moscow, Russia, 109028.
E-mail: devstafiev@hse.ru

Abstract: The globalized information society, which by its nature is a hybrid socio-technological interface between the global information space and a person, relies on digital communications technologies and networked information platforms. The information society remains one of the few pillars of globalization. In its essence, it is unlikely to be dismantled even in the event of the implementation of critical scenarios of global transformations; it can become one of the integrating platforms of various management subsystems both at the interstate and state levels – although in its pure form, probably in the foreseeable future, the management of medium-term processes within purely state systems seems unlikely. The information society, remaining an instrument of globalization and ensuring the relative integrity of global processes, begins to play an increasingly important role in the process of delimitation of the “world of globalization” into macro-regions. Through the mechanisms of the information society and through the division of the excessively hybridized management system, the most noticeable elements of real, rather than declarative, geo-economic regionalization are likely to be implemented. In the context of the globalization crisis, the information society acts as the basis for a system of non-force strategic management of socio-political and economic processes. As the institutional vacuum grows, the importance of the information society will grow. In addition to the functions of managing medium-term development trends, the information society has already acquired the functions of strategic management of socio-cultural processes, as well as universal political narratives. At this stage of global transformations, we are witnessing an intensive process of substitution of classical interstate institutionality by information (called “online”, although this does not reflect all the features of the phenomenon) technologies, that changes the essence of institutionality in principle. In the future, supranational regulation can also be replaced by information society technologies and corresponding digitalized algorithms. A fundamentally different space of global, and therefore transregional governance is emerging, which puts on the agenda a number of specific tasks for Russia.

Keywords: neo-global world, regionalization, post-reality, information society, global development management, system of political power

Conflicts of interest: the author has no conflicts of interest to declare

Список литературы / References:

Carey, J.W. (1998). The Internet and the End of the National Communication System: Uncertain Predictions of an Uncertain Future. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 1(75), 28–34. DOI: 10.1177/107769909807500106

Gates, R.M. (2023). The Dysfunctional Superpower. Can a Divided America Deter China and Russia? *Foreign Affairs*, November/December. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/robert-gates-america-china-russia-dysfunctional-superpower>

Nye, J.Jr. (2018). How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence. *Foreign Affairs*, January, 24. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power>

Wihbey, J.P. (2019). *The Social Fact: News and Knowledge in a Networked World*. Cambridge, MA: MIT Press. 328 p.

Dmitriev, O.A. & Evstafiev, D.G. (2024). Ot postpravdy k postreal'nosti. Krizis globalizatsii, konkurentsii tsennostei i stolknovenie tsivilizatsii [From Post-Truth to Post-Reality. The Crisis of Globalization, Competition of Values, and the Clash of Civilizations]. *Russia in Global Politics*, 128, 110–121.

Dzolo, D. (2010). *Demokratiia i slozhnost': realisticheskii podkhod* [Democracy and Complexity: A Realistic Approach]. Moscow: Izdatel'skii dom Gos. universiteta – Vysshiaia shkola ekonomiki. 320 p.

Eremeenko, M.S. (2023). Atomizatsiia informatsionnogo soznaniia v sovremennom obshchestve [Atomization of information consciousness in modern society]. *Kul'tura i obrazovanie: nauchno-informatsionnyi zhurnal vuzov kul'tury i iskusstv*, 1(48), 47–53. DOI: 10.2441/2310-1679-2023-148-47-5

Fukuyama, F. (2017). *Ugasanie gosudarstvennogo poriadka* [The Fading of State Order]. Moscow: Izdatel'stvo AST. 704 p.

Giddens, E. (2005). *Ustroenie obshchestva. Ocherki teorii strukturatsii* [The Structure of Society: Essays on the Theory of Structuration]. Moscow: Akademicheskii proekt. 528 p.

Gorbaneva, O.I. & Ugol'nitskii G.A. (2024). Modeli upravleniia vo vlastnykh ierarkhiakh [Models of Management in Power Hierarchies]. *Problemy upravleniia*, 1, 43–55.

Kuznechenko, I.M. (2024). Riski organizatsii i realizatsii protsessa priniatiia reshenii na osnovanii analitiki bol'shikh dannykh i iskusstvennogo intellekta [Risks of Organizing and Implementing the Decision-Making Process Based on Big Data Analytics and Artificial Intelligence]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik*, 104, 162–180. DOI: 10.24412/ym8t4a89

Loshkariov, I.D. (2021). Problema urovnei analiza v teorii mezhdunarodnykh otnoshenii: na puti k ontologicheskim obiazatel'stvam [The Problem of Levels of Analysis in the Theory of International Relations: Towards Ontological Commitments]. *Comparative Politics Russia*, 12, 5–18. DOI: 10.24412/2221-3279-2021-10036

Mayr, P. (2019). *Upravliaia pustotoi. Razmyvanie zapadnoi demokratii* [Managing the Void. The Erosion of Western Democracy]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara. 216 p.

Pilgun, E.V. (2022). Politicheskoe manipulirovanie cherez ideologizatsiiu krizisa [Political Manipulation through the Ideology of Crisis]. *Governance and Politics*, 1(2), 30–43. DOI: 10.24833/2782-7062-2022-1-2-30-43

Литература на русском языке:

Гидденс Э. (2005). *Устроение общества. Очерки теории структуризации*. Пер. с англ., 2е издание. М.: Академический проект. 528 с.

Горбанева О.И., Угольницкий Г.А. (2024). Модели управления во властных иерархиях. *Проблемы управления*. № 1. С. 43–55.

Дзоло Д. (2010). *Демократия и сложность: реалистический подход*. Пер. с англ. М.: Издательский дом Гос. университета – Высшая школа экономики. 320 с.

Дмитриев О.А., Евстафьев Д.Г. (2024). От постправды к постреальности. Кризис глобализации, конкуренция ценностей и столкновение цивилизаций. *Россия в глобальной политике*. № 128, июль-август. С. 110–121.

Еремеев М.С. (2023). Атомизация информационного сознания в современном обществе. *Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств*. № 1(48). С. 47–53. DOI: 10.2441/2310-1679-2023-148-47-5

Кузнецов И.М. (2024). Риски организации и реализации процесса принятия решений на основании аналитики больших данных и искусственного интеллекта. *Государственное управление. Электронный вестник*. № 104. С. 162–180. DOI: 10.24412/ym8t4a89

Лошкарёв И.Д. (2021). Проблема уровней анализа в теории международных отношений: на пути к онтологическим обязательствам. *Сравнительная политика*. № 12. С. 5–18. DOI: 10.24412/2221-3279-2021-10036

Майр П. (2019). *Управляя пустотой. Размывание западной демократии*. Пер. с англ. М.: Издательство Института Гайдара. 216 с.

Пильгун Е.В. (2022). Политическое манипулирование через идеологизацию кризиса. *Управление и политика*. № 1(2). С. 30–43. DOI: 10.24833/2782-7062-2022-1-2-30-43

Фукуяма Ф. (2017). *Угасание государственного порядка*. М.: Издательство АСТ. 704 с.